

У ворот прекрасного «Сайгона»...

В СЕНТЯБРЕ ЗНАМЕНИТОМУ КАФЕ — ПОЛТИННИК. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ — ТАКОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ, ЭТО КАК-ТО СЛИШКОМ МНОГО. ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОМОЗГЛОЙ И БЕСШАБАШНОЙ ПИТЕРСКОЙ СВОБОДЫ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЧНО МОЛОДО

«Сайгон», как все крутейшие звезды рок-н-ролла, умер молодым — когда ему исполнилось 25. Ушел в нирвану, в Авалон, в мир идей, став сам идеей и мечтой. Оттуда он лукаво подмигивает своими окошками оставшимся здесь бывшим обитателям. И тем зеленым салагам, кто его не застал, но так хотел бы, так хотел...

Он родился не как «Сайгон». Кафе в доме №49 по Невскому проспекту, при ресторане «Москва», открывшееся 1 сентября 1964-го («Битлз» как раз писали четвертый альбом), поначалу было безымянным. Потом уже народное остроумие наделило его кличкой «Подмосковье». Другим названием было «Петушки» — из-за огромных «народных» петухов, нарисованных на белых кафельных стенах художником Евгением Михновым.

Откуда взялся вдруг «Сайгон» — много раз уже говорено-переговорено. По мнению Виктора Топорова, «там то разрешали, то запрещали курить внутри... В период, когда курение было запрещено, две девушки достали сигареты, к ним подошел милиционер и сказал: «Что вы тут делаете, безобразие, какой-то Сайгон устроили». Вот такая репутация была в СССР у столицы Южного Вьетнама». Как раз шла война во Вьетнаме.

Экзотическое имечко пришлось впору. Действительно, как и во вьетнамском Сайгоне, тут был прямо-таки филиал растленного Запада — ну, или так считали доблестные сотрудники органов, конечно, присматривавшие за заведением (говорят, из-за большой зеркальной стены кафе). А присматривать там было за кем. Всегда тусовалось много неуправляемой и подозрительной богемы. Абстракционисты, артисты, фарцовщики... Пьяноватые поэты читали черт знает что и таскали сюда самиздат. Хиппи «аскали на прайс», в смысле, стреляли денежку на кофе. В 1980-х по соседству, на Рубинштейна, открылся Ленинградский рок-клуб — и сюда зачастили панки. «И прочая плесень», как охарактеризовал сайгонскую публику начальник Управления уголовного розыска УВД Ленгороблисполкома в интервью «Ленинградской правде» от 19 июля 1987 года.

Гражданин начальник в это перестроечное время уже мог бы выразиться и поживливе. В разные годы в «Сайгоне» сидели (вернее, становились — столы были высокие) Бродский, Довлатов, Смоктуновский, Гребенщиков, Шевчук, Шемякин... Пили, конечно, правильный кофе — не простой за 13 копеек, а «маленький двойной» за 26. Кофе в два раза больше, а воды

● Известный митек Дмитрий ШАГИН вспоминал: «Первый раз о «Сайгоне» я услышал в 13 лет. Где-то году в семидесятом мне рассказывал о нем художник Арефьев. Он говорил, что есть такое место, где собираются поэты с бородами, и глаза у них — аки сливы, и там они пьют кофе, стихи читают. И место это сейчас самое крутое. А попал я туда лет в 16. Приблизительно тогда же увидел я и совсем юного Курёхина».

Фото Натальи ЧАЙКИ

В 1982 году я познакомился с Гребенщиковым. Живя на улице Софьи Перовской, он тогда каждый день ходил в «Сайгон» пить кофе...

столько же. Делался напиток в шикарных итальянских кофеварках, лучше всего заваривала — это известно — буфетчица с космическим именем Стелла.

*Холодной питерской весной
Ты шел по улице сквозной
Промок, продрог, зашел в «Сайгон»
И взял себе очередной
Маленький двойной*

— так поет в своей нарочито-равнодушной кантри-манере Умка (Анна Герасимова).

К кофе можно было взять «Александровское пирожное» — песочную полоску с глазурью (22 копейки). А вот выпивать полагалось за пределами «Сайгона», где-нибудь в парадняке... Хотя кто ж запретит.

Кончился кофе, кончилось время. «Сайгон» был окончательно закрыт в марте 1989 года. В том же году, после ремонта, открылся магазин итальянской сантехники.

Потом магазин аудиопродукции — конечно, не той в основном, что слушали бы сайгоновцы.

Михаил Шемякин и Евгений Рейн попытались сделать там мемориальный

● Светлана БАДЕЛИНА, художница из группы «Митьки»:

— Кофе в «Сайгоне» — это наша молодость, это целая идеология: вроде и не хочется, а все равно берешь маленький двойной, самый крепкий! А сейчас это вспоминается, только когда с митьками собираемся. Тогда я пью такой же кофе, как раньше: настоящий крепкий эспрессо.

В 1999-м была попытка открыть клуб «Сайгон» на Невском, 7/9, но дважды войти в эту реку не удалось. Сейчас там другое учреждение.

Фото Интерпресс

центр. Конечно, ничего не получилось. Со своей эпохой ушел «Сайгон». Врач сказал: в морг — значит, в морг.

Никакой морали, никаких уроков в нем как не было при жизни, так нет и теперь. Был образ жизни, был стол и дом, и ощущение причастности к какому-то тайному братству и сестринству.

*О девочка в цветастой шляпе!
Сайгон — любовник и приятель,
Как пять часов — на встречу с ним,
Туда-сюда, к своим, к чужим...
О девочка в цветастой шляпе...*

— написал в 1980-м Анатолий (Джордж) Гуницкий, Старый Рокер, бывший колумнист «Вечерки» и один из сайгоновских людей.

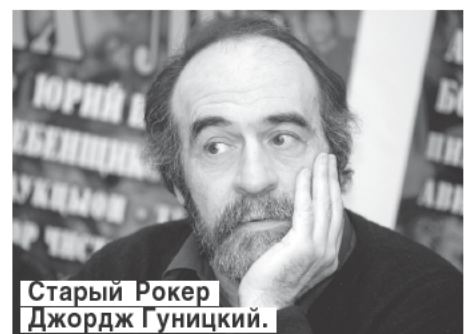
«Конкретно в «Сайгоне» ничего не происходило, он был средой обитания, общения, выпивания, закусывания, здесь пересекались судьбы и начинались дороги. В очереди за маленьким двойным все равны, поэтому в контексте сайгоновского космоса рок-звезда значила ничуть не больше, чем пьяница с вытертым лицом», — пишет он же в эссе «В пять у «Сайгона»».

Я позвонил Джорджу Гуницкому в день рождения «Сайгона».

— Скажите, Анатолий, по-вашему, сейчас было бы возможно что-то подобное? Или люди иначе объединяются?

— Сейчас совершенно не сайгоновские времена. Не могу объяснить, но по сути дела — так. Сейчас у молодежи клубы есть, но

для старой гвардии такого места не найдется больше. Мы, конечно, отчасти возвращаемся к советским временам. Но рок-н-ролл перестал быть тем объединяющим началом, каким был раньше. Вот сегодня

Старый Рокер Джордж Гуницкий.

Фото TREND

к юбилею «Сайгона» собрали концерт — а против войны и всего этого безумия почему-то никто не устраивает музыкальный фестиваль. Хотя это можно было бы элементарно сделать, назвать туда звезд... Такого нет, и это о многом говорит.

*«Сайгон» «Сантехнику» стал
«Сайгоном» быть перестал
.....
А ты, наверно, все проспал
Потому что устал
Лежал к живущему спиной
И спал и видел свой родной
Маленький двойной*

— это опять Умка. Спи спокойно, дорогой «Сайгон». И снись нам, спящим во тьме и скуке смертной. Тем, кто тебя знал, — и тем, кто только догадывается о тебе.

Федор ДУБШАН